

УДК 130.2+141

**ПАРАДИГМА НЕЛИНЕЙНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ
ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА И СОВРЕМЕННАЯ СИНЕРГЕТИКА**

© 2014 г.

*М.А. Можейко*Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла
Белорусского государственного университета, Республика Беларусь

marina-mojeiko@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.06.2014

В целях демонстрации конгруэнтности синергетической и постмодернистской исследовательских стратегий проводится компаративный анализ их парадигмальных установок. Этой цели подчинена архитектура статьи, строящаяся по зеркальному принципу: в каждом параграфе выделяется двойной объект анализа – синергетический и постмодернистский конститутивные принципы, которые, по мнению автора, содержательно соответствуют друг другу.

Ключевые слова: нелинейность, неравновесность, самоорганизация, семиозис, бифуркация, флуктуация, диссипативные структуры, аттрактор.

Идея линейного детерминизма являлась доминирующей в европейской культуре на протяжении практически всей ее истории, ибо освоенные до сих пор типы системной организации объектов (от простых составных до развивающихся) могли быть адекватно интерпретированы в этой парадигме. В естественно-научном познании это находит свое выражение в идее эволюции, в гуманитарном – в идее прогресса. Однако идея линейного прогресса, столь долго сопровождавшая человечество, покинула сцену вместе с XX столетием, поскольку современная ситуация – как в социально-историческом, так и в научно-познавательном своих измерениях – характеризуется существенной нелинейностью динамики. В современном естествознании очевидным лидером в исследовании нелинейных процессов выступает синергетика как концепция нелинейных динамик. Однако и в гуманитарной сфере – прежде всего в области философии языка – могут быть обнаружены аналогичные тенденции.

Таким образом, в качестве основополагающей для данной статьи выступает следующая гипотеза: парадигмальные основоположения общей концепции нелинейных динамик вырабатываются современной культурой параллельно в рамках и естественно-научной (дисциплинарное развитие синергетики) и гуманитарной (постмодернистское направление развития философии) традиций. В этом отношении парадигмальные матрицы постмодернистской философии языка и современной синергетики могут рассматриваться как конгруэнтные.

В целях демонстрации конгруэнтности синергетической и постмодернистской исследовательских стратегий в статье проводится компаративный анализ парадигмальных установок.

Этой цели подчинена архитектура статьи, строящейся по принципу зеркального double bind: в каждом параграфе выделяется двойной объект анализа – своего рода параллель: синергетический и постмодернистский конститутивные принципы, содержательно, по мнению автора, соответствующие друг другу.

1.

– *Неравновесные среды как предмет синергетики: феномен креативной самоорганизации.*

– Креативный потенциал «хаотической текстовой среды»: процедуры смыслопорождения.

Синергетика исследует свойства сред в условиях сильного отклонения от равновесия: эти свойства заключаются в том, что при прохождении точек неустойчивости в исследуемых средах «могут возникать макроскопические явления самоорганизации» [1, с. 12].

На этой основе синергетика формулирует свой основополагающий тезис о том, что на всех уровнях структурной организации бытия именно неравновесность выступает условием и источником возникновения «порядка из хаоса» [2, с. 357].

Если синергетическое видение мира рефлексивно обозначается И. Пригожиным как «философия нестабильности» [3, с. 46–52], то в полной мере эта дескрипция может быть отнесена и к философии постмодернизма. В оценке Ж.-Ф. Лиотара, культура постмодерна ориентирована на «поиск нестабильностей» [4, с. 154].

В своих модельных представлениях о реальности постмодернизм «создает формы порядка как беспорядка» [5, с. 144], – на смену идеологии «порядка вещей» приходит идеология «беспорядка и разлада (disorder)» [6, с. 40–68]. Фун-

даментальной предпосылкой мироинтерпретации выступает отказ от идеи целостности, структурности и упорядоченности мира: в зеркале постмодерна мир «становится... хаотичным и разнородным» [7, с. 119].

В отличие от классической традиции, полагавшей, по оценке М. Фуко, что «вещи уже шепчут нам некоторый смысл, и нашему языку остается лишь подобрать его» [8, с. 47], постмодернизм констатирует устами Ж. Бодрийера «катастрофу («имплозию») смысла» [9]. Презумпция тотального семантического хаоса обозначена Ю. Кристевой как уверенность в «бесмысленности Бытия» [10, с. 273].

В отличие от модели стабильной системы, базовой для философии классического типа, для постмодернизма в качестве базовой выступает модель системы неравновесной, подчиненной в своей динамике закономерностям нелинейного типа, «антимодель стабильной системы» [4, с. 156].

Источником любой динамики выступает, по Ж. Делезу, «потенциальная энергия» системы, которая оценивается как «метастабильная» [11, с. 131].

Постмодернистская философия текста базируется на презумпции отказа от смысла в качестве наличного (презумпция «усмотрения хаоса» и толкования последнего в качестве смыслопорождающего).

Согласно концепции «означивания», предложенной Ю. Кристевой и универсально принятой постмодернизмом, смысл обретается текстом, не являясь исходно ни заданным, ни данным: постмодернизм утверждает абсолютную независимость интерпретации от текста и текста от интерпретации. В постмодернизме Автор, Читатель и Текст растворяются в едином вербально-дискурсивном пространстве [12, с. 227; 13, с. 383]. В аспекте генерации смысла и чтение, и письмо – это «не правда человека... а правда языка», – «уже не «я», а сам язык действует, «перформирует» [14, с. 386].

Смысл трактуется в качестве не привнесенного субъектом, но автохтонного: способность производить «эффект смысла» М. Фуко признает за «структурами языка» [8, с. 76], обладающими «безличной продуктивностью» [15]. Смыслогенез предстает, по Дж.В. Харрари, как самоорганизация текстовой «самопорождающейся продуктивности... в перманентной метаморфозе» [16, с. 40].

Субстратом смыслопорождения выступает текстовая среда, понятая как хаотичная: аструктурная и децентрированная: текст перманентно «деконструируется ради своего вечного порождения» [17, с. 224–225]. Таким образом, по-

стмодернистски понятый текст выступает в качестве своего рода неравновесной и исходно хаотической самоорганизующейся среды.

Деструктурированный текст принципиально нестабилен и характеризуется своего рода «взвешенностью между активностью и пассивностью», «взвихренностью», которая, как пишет Ж. Деррида, в принципе «не поддается упорядочению» [18, с. 48]. Это задает ту же ситуацию, что в синергетическом контексте задает феномен неравновесности: система чревата радикальными трансформациями (прежде всего – структурного плана). Так, концепт Ж. Деррида «разнесение» фиксирует именно момент генеративной природы текстовой организации: «грамма как разнесение... – это структура и движение», открывающее возможность «других текстовых конфигураций» [18, с. 47–48, 69–70].

И если критерием «сложности» выступает для синергетики имманентный потенциал системы к самоорганизации, то и для постмодернизма характерно понимание своего предмета как обладающего самоорганизационным потенциалом, т.е. как сложного: типична оценка Ю.М. Лотманом текста как «интеллектуального устройства», которое обнаруживает «самовозрастающий логос» [19, с. 131].

2.

– Феномен нелинейности: бифуркационный механизм реализации.

– Бифуркационная природа семиозиса в постмодернистских аналитиках.

В качестве важнейшего момента нелинейных динамик выступает поливариантность протекания процессов, предполагающая наличие не только различных форм самоорганизации системы, но и эволюционных альтернатив: «в одной и той же среде без изменения ее параметров могут возникать разные структуры... разные пути ее эволюции... как результат саморазвития процессов в ней» [20, с. 10–11, 17–20].

Фундаментальным механизмом, обеспечивающим реализацию нелинейности развития, выступает в синергетике бифуркация. Ситуация прохождения системой точки бифуркации «напоминает бегуна, который... достиг пересечения трех дорог. Прямая дорога продолжается через шаткий мостик. Если бегун будет продолжать путь через мостик, он может потерять равновесие и упасть на одну из «твердых» дорог, пересекающихся под ним» [21, с. 200].

Бифуркационный переход – это выбор системой одного из возможных вариантов развития, каждый из которых предполагает переход системы в состояния, радикально отличные от исходного. Возможны и более сложные ситуа-

ции («каскады бифуркаций»), раскрывающие целый веер возможных путей эволюции системы. В этой ситуации любая попытка моделирования будущих состояний системы, исходя из данных о настоящем ее состоянии (прогноз «от наличного») рассматривается синергетикой как некорректная.

Аналогично и постмодернизмом констатируется «совозможность как правило мирового синтеза» [11, с. 141]. Фигура ветвления – так же, как и в синергетике, обретает в постмодернизме фундаментальный статус («сеть» и «ветвящиеся расширения» ризомы у Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «решетка» и «перекрестки бесконечности» у М. Фуко, смысловые скрещения «выбора» у Р. Барта, «перекресток», «хиазм» и «развилка» у Ж. Деррида, «лабиринт» у У. Эко).

Важнейшим источником формирования постмодернистской модели бифуркационного процесса выступает осмысление Х.Л. Борхесом пространства событийности как «сада расходящихся тропок», моделирующее фактически бифуркационный механизм разворачивания сюжета: «вечно разветвляясь, время идет к неисчислимым вариантам будущего» [22, с. 239–240].

В текстологической концепции постмодернизма моделируется бифуркационный по своей природе механизм смыслообразования: последнее «двунаправлено», т.е. «задает путь, по которому смысл следует и который он заставляет ветвиться» [11, с. 122]. Р. Барт полагает, что «важно показать отправные точки смыслообразования, а не его окончательные результаты». Эти «отправные точки» выступают своего рода «пунктами двусмысленности» или «двузначностями» текста, и «в каждой узловой точке повествовательной синтагмы... говорится: если ты поступишь так-то, если ты выберешь такую-то из возможностей, то вот это с тобой случится», – достаточно избрать ту или иную подсказку, как конституируемая ей версия прочтения текста оказывается уже необратимой: «чтобы произвести смысл, человеку оказывается достаточно осуществить выбор» [14, с. 251, 390–394].

В рамках такого подхода равно невозможны как конституирование финального смысла текста (онтологическая «неразрешимость» последнего, по Р. Барту), так и предвидение той из версий означивания, которая будет актуализирована в том или ином случае (гносеологическая «неразрешимость» текста). Текстовая «неразрешимость» осмысливается постмодернизмом в том же ключе, что и невозможность невероятностного прогноза относительно нелинейных процессов в синергетике. Непредсказуемость процедур означивания связывается постмодернизмом с автохтонными аспектами бы-

тия текста, подобно тому, как непредсказуемость процедур самоорганизации хаотической среды интерпретируется синергетикой в качестве атрибутивной характеристики процесса, не связываясь с недостаточностью когнитивных средств субъекта. По Р. Барту, «неразрешимость – это не слабость, а структурное условие повествования» [14, с. 461].

Идея точек ветвления смысла находит свое наиболее полное развитие в концепции «логики смысла» Ж. Делеза. Исследуя процессы смыслообразования (в частности, при чтении Л. Кэрролла), Ж. Делез фокусирует внимание на особых (так называемых «эзотерических») словах – «двусмысленных знаках», которые он называет «словами-бумажниками». Эти слова, как правило, являются «синтетическими», т.е. составлены из семантически узнаваемых сколов нескольких (как правило, двух) других слов. – Классическим примером является кэрроловский Snark: Snark как контаминация shark (акула) и snake (змея). В зависимости от того, как будет прочитано это слово, может распахнуться, подобно отделению бумажника, та или иная серия текстовой семантики, т.е. одна из возможных версий прочтения: Ж. Делез анализирует под этим углом зрения ситуацию, моделируемую Л. Кэрролом: на вопрос «Кто король?» Шеллоу, выбирающий между Ричардом и Уильямом, отвечает: «Рильям» [11, с. 215]. Таким образом, «именно функция разветвления и дизъюнктивный синтез дают подлинное определение слову-бумажнику» [11, с. 66–78].

Аналогичную модель бифуркационного механизма смыслообразования предлагает М. Бютор. Введенное им понятие слова-«переключателя» означает фактически то же самое, что и «слова-бумажник» Ж. Делеза: «каждое из этих слов может действовать как переключатель. Мы можем двигаться от одного слова к другому множеством путей. Отсюда – идея книги, повествующей не просто одну историю, а целый океан историй».

Наряду с характерными для лексемы функциями, «переключатели» и «слова-бумажники» выполняют в конституировании текстовой семантики также функции бифуркационных узлов, «благодаря которым происходит разветвление сосуществующих серий» [11, с. 67, 90].

3.

– Принцип «усиления флуктуации» в синергетике: новый тип детерминизма.

– Игровая модель универсума в постмодернизме: фундаментальный статус случайной флуктуации.

В равновесных состояниях действие второго начала термодинамики нейтрализует действие флуктуаций, неизменно заставляя систему воз-

вращаться к исходному (стационарному) состоянию. Собственно, устойчивым состоянием системы и называют такое «состояние, когда... возмущения затухают во времени», «не оставляя следов в системе» [1, с. 14]. Однако при подходе системы «вплотную к точкам бифуркации» закон больших чисел нарушается, и «небольшая флуктуация может послужить началом эволюции в совершенно новом направлении» [2, с. 56].

Отвечая на вопрос, каков механизм «выбора» системой того или иного пути развития из веера возможных, синергетика постулирует фундаментальный статус в этом процессе феномена случайности: «перед нами – случайные явления, аналогичные бросанию игральной кости» [2, с. 219–219].

Вместе с тем процессы самоорганизации отнюдь не выступают в синергетической парадигме как индетерминистские: мир «порядка через флуктуацию» не подчиняется законам линейной причинности, однако мир этот не произволен, подчиняясь закономерности более высокого порядка.

В постмодернизме также едва ли можно обнаружить теоретическую модель, где представления о динамике анализируемой предметности не были бы фундированы идеей случая. Постмодернизм моделирует механизм процессуальности как принципиально игровой. Именно бросок жребия (костей) становится центральной постмодернистской метафорой, фиксирующей феномен случайной флуктуации – от постулирования «воли к удаче» у Ж. Батая до понимания письма в качестве «абсолютно авантюрного... дела удачи, не техники» у Ж. Деррида [23, с. 168].

По мнению М. Фуко, в сфере исследования дискурсивных практик «более уже невозможно устанавливать связи механической причинности или идеальной необходимости. Нужно согласиться на то, чтобы ввести непредсказуемую случайность в качестве категории при рассмотрении продуцирования событий», а потому центральной задачей гуманитаристики может считаться создание «теории, которая позволила бы мыслить отношения между случаем и мыслью» [8, с. 82–84].

Так, концепция семиозиса Ю. Кристевой фундирована идеей самопроизвольно возникающего внутри текста «смещения», инициирующего бифуркационное «расщепление» смысловых потоков семиотической среды [24, 30].

4.

– Диссипативные структуры в синергетике.

– Модельные аналоги диссипативных структур в постмодернизме.

Подобно тому, как для классической термодинамики типично понятие равновесной структуры (типа «кристаллической решетки»), так для термодинамики неравновесной базовым выступает понятие структуры диссипативной: «диссипация обусловлена единичным событием, случайным образом отдавшим предпочтение одному из двух возможных исходов. После того, как выбор произведен, в дело вступает автокаталитический процесс» [2, с. 220].

В отличие от консервативных структур, диссипативные структуры фактически представляют собой процесс: «организация есть... блуждающее в среде пятно процесса» [20, с. 6].

Аналогично и в постмодернизме: результирующие состояния самоорганизации текста демонстрируют свойства, во многом совпадающие со свойствами диссипативных структур синергетики.

Наиболее общей моделью подобной структуры выступает предложенный в контексте номадологического проекта постмодернизма концепт «плато» [25, с. 28]. Бытие аструктурной «ризомы» может быть описано не в терминах структурных уровней как единой и константной организации, но именно в терминах «плато» как возникающих в ходе смещения друг относительно друга микроэлементов исследуемой среды: «колонны маленьких муравьев, покидающих одно плато, чтобы занять другое... Каждое плато может быть прочитано в любом месте и соотнесено с любым другим» [25, с. 28].

Зафиксированный постмодернизмом набор условий, необходимых и достаточных для формирования плато, фактически изоморфен зафиксированному синергетикой набору условий, необходимых для оформления диссипативных структур. Прежде всего следует отметить фундированность постмодернистского видения мира принципом «максимальной энтропии» [26], что соответствует синергетическому пониманию диссипативных структур как обусловленных в своем возникновении энтропийными процессами: «сила... реагирует на свое утомление, черпая из него... свою мощь» [27, с. 84].

Наличная конфигурация семантики (предметности) выступает, подобно диссипативной структуре синергетики, в качестве макроскопической пространственной организации объекта, что делает возможной его топографическую «картографию» [28, с. 6]. И если синергетическая система осциллирует между состояниями хаоса и макроструктурированности, то и философией постмодернизма структуры мыслятся в качестве сохраняющих свое актуальное бытие «лишь до тех пор, пока продолжается движение волны (имманентной нестабильности. – М.М.)»;

когда же движение прекратилось, сложившаяся картина «трогается с места», сменяясь иной, столь же недолговечной [29, с. 35].

Так, по Р. Барту, «текст» есть «поле методологических операций» и в гештальтном отношении не предполагает финально определенной структуры, но лишь структурность как инспирирующую различные версии структурирования: «в многомерном письме... структуру можно проследить, «протягивать»... во всех ее повторах и на всех ее уровнях, однако невозможно достичь дна» (14, с. 389, 415–417, 460).

Каждая новая центрация текста в рамках деконструктивистской процедуры становится «деятельностью по порождению смысла» [5, с. 261], – иначе говоря, любое «прочтение текста – акт одноразовый» [14, с. 418]. Прежний смысл как результат прошлых актов означивания отменяется новым, – подобно тому, как диссипативные структуры самоорганизующейся среды сменяют друг друга в пульсационном режиме.

В качестве диссипативной структуры может быть интерпретирован и «фено-текст» Ю. Кристевой. Если «гено-текст» выступает аналогом самоорганизующейся среды, ибо «охватывает все семиотические процессы (импульсы, их раси и сосредоточенность); те разрывы, которые они образуют», то множась «фено-тексты» могут быть поставлены в соответствие преходящим диссипативным версиям его процессуальной (нон-финальной) самоорганизации [30, с. 83–84].

5.

– Кооперативные взаимодействия на микроуровне и макроорганизация в синергетических процессах.

– Феномен «коммуникации» языковых единиц в процедурах означивания.

В основе исследуемых синергетикой явлений самоорганизации лежит феномен так называемой «кооперации» молекул: «в равновесном состоянии молекулы ведут себя независимо: каждая из них игнорирует остальные. Такие независимые частицы можно было бы назвать гипнонами («сомнамбулами»). Переход в неравновесное состояние «пробуждает гипноны», система начинает вести себя как целое: возникает «конвекция, соответствующая когерентному, т.е. согласованному движению ансамблей молекул» [2, с. 197, 240]. В «Философии нестабильности» И. Пригожин отмечает, что «вдали от равновесия... кажется, будто молекулы, находящиеся в разных областях раствора, могут каким-то образом общаться друг с другом», «каждая часть системы «видит» всю систему целиком» [3, с. 50].

Предложенное Г. Хакеном название новой дисциплины – «синергетика» (от греч. *sinergeia* – совместное действие) инспирировано именно тем, что в основе исследуемых ею феноменов самоорганизации лежит «совместное действие многих подсистем... в результате которого на макроскопическом уровне возникает структура» [31, с. 15]. Таким образом, фундаментальным механизмом, обеспечивающим возникновение сложности, в синергетике выступает когерентное поведение микрочастиц, получившее наименование «кооперация молекул».

Применительно к философии постмодернизма также можно констатировать поворот к осмыслению сложности как основанной на «коммуникации» элементов, составляющих микроуровень исследуемых систем. И если для синергетики «ни один элемент природы не является перманентной основой изменяющихся отношений», но «обретает тождество из своих отношений с другими элементами» [2, с. 146], то и в постмодернизме «каждая «вещь» раскрывается навстречу бесконечным предикатам, через которые она проходит, утрачивая свой центр – то есть свою самотождественность. На смену исключению предикатов приходит коммуникация событий» [11, с. 210].

Постмодернизм формулирует созвучную синергетике идею о зависимости макросмысла текста от кооперативных процессов на уровне микроэлементов: «текст... распространяется... в результате комбинирования и систематической организации элементов» [14, с. 419], – смысловые ряды возникают в результате согласования единиц текста, подобного синергетической кооперации молекул (от бахтинского понимания в качестве такой единицы слова – до бартовской трактовки ее в качестве кода).

Согласно концепции Ж. Деррида, феномен «следа» может быть рассмотрен именно в контексте кооперативного взаимодействия (коммуникации), означающего: «ни один элемент не может функционировать как знак, не отсылая к какому-то другому элементу... Благодаря такой сцепленности каждый «элемент»... конституируется на основе отпечатывающегося на нем следа других элементов цепочки или системы» [18, с. 46]. В этом контексте «спящий», по выражению Ж. Деррида, смысл лексем (ср. с «гипнонами» или «сомнамбулами» И. Пригожина) фиксируется как неэксплицитный, сохраненный в тексте как отзвук предшествующих и параллельных во времени текстов, но ускользающий от «наивного читателя», а подчас – и от автора («автоматическая цитация» в интертекстуальном контексте).

На примере самого термина «деконструкция» Ж. Деррида выявляет механизм возникно-

вения явленного макроразличия вербальной единицы на основании процесса, который может быть оценен как кооперативный: «слово «деконструкция», как и всякое другое, черпает свою значимость лишь в своей записи в цепочку его возможных субститутов... оно представляет интерес лишь в известном контексте, в котором оно замещает или позволяет себя определить стольким другим словам... По определению, этот список не может быть закрытым» [32, с. 56–57].

Аналогично, Р. Барт рассматривает феномен текстовой семантики как процессуальное варьирование (порождение через варьирование) смысла, происходящее «в результате комбинирования и систематической организации элементов»: в основе значения лежит задание контекста посредством координации (когерентности оттенков значения) всех элементов текста, т.е. «посредством множественного смещения, взаимоналожения, варьирования элементов» [14, с. 417–419].

Возникающие в ходе семантической игры смыслопорождения диссипативные варианты прочтения текста мыслятся в философии постмодернизма как центрирующиеся вокруг определенных узлов смыслообразования, аналогичных пейсмейкерам в синергетике. Так, Ж. Деррида выделяет особые понятия и слова, имеющие «статус настоятельности» [18, с. 70–71]. Практически в том же русле Ю. Кристева выделяет в процедуре означивания особые «точки» – точки «затмения смысла», где его утрата (текстовой хаос) оказывается чревата новой семантикой [33, с. 104].

В итоге, постмодернизм конституирует языковую среду как интегральное и «Единогласие Бытия», зиждущееся на фундаменте кооперированных и коммуницирующих между собой сингулярностей: «чистое событие, коммуницирующее со всеми другими событиями и возвращающееся к себе через все другие события и со всеми другими событиями» [11, с. 214–215].

6.

– Принципиальная незамкнутость синергетических сред: самоорганизация как адаптация к внешним факторам.

– Феномен интертекстуальности: роль «внешней» культурной среды в процедурах текстовой самоорганизации.

Согласно синергетическому видению неравновесной динамики, необходимым условием самоорганизации и упорядочения неравновесной системы является ее незамкнутость, открытость по отношению к окружающей среде: неравновесные состояния «связаны с исчезающими потоками между системой и внешней средой» [1, с. 69]. В этом отношении синерге-

тическая парадигма демонстрирует снятие альтернативы между внутренним и внешним, фиксируя отсутствие непроницаемых границ между системой и средой.

Более того, в неравновесных условиях система начинает реагировать на факторы, которые в равновесном ее состоянии выступают по отношению к ней как индифферентные (например, в сильно неравновесных условиях химические реакции оказываются восприимчивыми к фактору гравитации). Более того, изменение этих параметров может в корне изменить пути и механизмы самоорганизационных процессов, в силу чего «в сильно неравновесных условиях... физика с полным основанием может описывать структуру как формы адаптации системы к внешним условиям» [2, с. 55].

Аналогично и для постмодернизма взаимодействие текста со знаковым фоном выступает в качестве фундаментального условия смыслообразования. Это ярко демонстрируется концепцией интертекстуальности, в рамках которой, по Ю. Кристевой, «всякое слово (текст) есть... пересечение других слов (текстов)», «диалог различных видов письма» [34, с. 5–6]. По оценке Р. Барта, «основу текста составляет... его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки» [14, с. 428].

Собственно, текст – как в процессе письма, так и в процессе чтения – «есть воплощение множества других текстов, бесконечных или, точнее, утраченных (утративших следы собственного происхождения) кодов» [35, с. 20]. Как пишет Р. Барт, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собою новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки старых культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т.д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [36, с. 78]. – Смысл возникает именно и только как результат связывания между собой этих семантических векторов, выводящих в широкий культурный контекст, выступающий по отношению к любому тексту как внешняя семиотическая среда.

Феномен цитирования становится основополагающим для постмодернистской трактовки текстуальности. Речь идет, однако, не о непосредственном соединении в общем контексте сколов предшествующих текстов. Подобное явление встречалось в античной культуре в виде «лоскутной поэзии» позднего Рима (центоны

Авсония; поэма Геты «Медея», составленная из отрывков Вергилия, и т.п.). Однако само понятие центона (лат. *cento* – лоскутная одежда или одеяло) предполагает построение текста как мозаики из рядоположенных цитат с достигаемым системным эффектом, где каждая цитата представлена непосредственно денотативной семантикой; коннотативные оттенки, связанные с автохтонным для цитаты контекстом, как правило, уходят в тень. – Постмодернизм же апеллирует к понятию палимпсеста, переосмысленному Ж. Женеттом в расширительном плане: текст, понятый как палимпсест, интерпретируется как пишущийся поверх иных текстов, неизбежно проступающих сквозь его семантику [37]. Как пишет М. Фуко, реально носитель культуры всегда «имеет дело с неразборчивыми, полустертыми, много раз переписанными пергаментами» [27, с. 78].

Речь идет именно о формировании порядка из хаоса цитат, причем, как и в синергетике, хаос становится «организованным» благодаря интегральной кооперации словесных единиц [38, с. 121]. – Внутри текста осуществляется своего рода коннотация, которая «представляет собой связь, соотношенность, анафору, метку, способную отсылать к иным – предшествующим, последующим или вовсе ей внеположным контекстам, к другим местам того же самого (или другого) текста» [35, с. 17–18].

Важнейшим моментом подобного синтетизма является интерпретация отношения к внешнему в качестве интериоризации. Несмотря на расхожую фразу о том, что символом культуры постмодерна становятся кавычки, постмодернизм основан на презумпции отказа от жестко фиксированных границ между имманентным (внутренним) и заимствованным (внешним). – В отличие от предшествующей традиции, постмодерн ориентирован на кавычки подразумевающиеся (графически не заданные): «текст... образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек» [14, с. 1]). Само их узнавание – процедура, требующая, по У. Эко, определенной культурной компетенции: цитата «будет понята лишь в том случае, если зритель догадывается о существовании кое-где кавычек. Отсутствующие в типографском смысле кавычки могут быть обнаружены лишь благодаря «внетекстовому знанию» [39, с. 66]. Постмодернистская литература, в связи с этим, оценивается Ф. Джеймисоном как «паралитература», в рамках которой «материал более не цитируется... но вводится в саму... субстанцию текста» [7, с. 120]. Специфицируя механизм «межтекстовых отношений», У. Эко вводит понятие

«интертекстуального диалога» как феномена, «при котором в данном тексте эхом отзываются предшествующие тексты» [39, с. 60].

По формулировке Ж. Деррида, в той мере, «в какой уже имеет место текст», имеет место и «сетка текстуальных отсылок к другим текстам», т.е. «мнимая внутренность смысла уже сплошь проработана его же собственным внешним. Она всегда уже выносит себя вовне себя» [18, с. 58]. Цитата, таким образом, не выступает в качестве инородного по отношению к якобы наличному материковому тексту включения, но, напротив, исходно инородный текст («внешнее») становится имманентным компонентом («внутренним») данного текста. Интериоризируя внешнее, текст, собственно, и представляет собой не что иное, как результат этой интериоризации.

Исходя из этого, текст не может рассматриваться иначе, нежели в качестве включенного в перманентный процесс смыслообмена (ср. с синергетическим энергообменом) с широкой культурной средой. В этом отношении интертекстуальность выступает как необходимое предварительное условие бытия любого текста. По оценке Ю.М. Лотмана, «семиотически неоднородный текст, способный вступать в сложные отношения... с окружающими культурными контекстами... перестает быть элементарным сообщением, направленным от адресанта к адресату» [19, с. 131].

Собственно, в постмодернистской системе отсчета корректно говорить не о процессе смыслообмена текста с культурной средой, но о процессуальности движения смысла в культурной среде – сквозь тексты, каждый из которых представляет собой конкретную семантическую конфигурацию этих смысловых потоков, но ни один не может рассматриваться в качестве источника (детерминанты) другого, ибо ни один из них не существует до и помимо этой всеохватной интертекстуальной игры, вне которой нет и не может быть конституирован текст как таковой: по словам Ш. Гривеля, «нет текста, кроме интертекста» [40, с. 24].

Кроме того, понятый таким образом текст «обретает прошлое», что позволяет говорить о совершении философией постмодернизма того же поворота к имманентному включению темпоральности в свой предмет, который совершен синергетикой и обозначается ею как «переоткрытие времени»: как пишет Ю.М. Лотман, «обнаруживая способность конденсировать информацию», текст практически «приобретает память» [19, с. 131], – подобно тому, как «обретают память» химические реакции в неравновесных условиях [21, с. 189].

7.

– Явление аттрактивных зависимостей в синергетике.

– «Динамики запроса» в постмодернизме: идея аттрактивных зависимостей.

При изучении процессов самоорганизации синергетикой было зафиксировано то обстоятельство, что среди возможных ветвей эволюции системы далеко не все являются вероятными, «что природа не индифферентна, что у нее есть «влечения» по отношению к некоторым состояниям», – в связи с этим физика «диссипативных систем, производящих энтропию», называет «конечные состояния этих систем «аттракторами» [41, с. 8]. Аттрактор (от лат. *attractio* – притяжение) определяется как режим, к которому тяготеет система, «устойчивый фокус, к которому сходятся все траектории динамики системы» [31, с. 369]. Как ни «парадоксально, но будущее состояние системы... как бы притягивает ее, организует, формирует, изменяет наличное ее состояние» [20, с. 7].

Подобная акцентуация будущего типична и для постмодернизма. Для современной философии характерна та идея, что явленное нам «в свете» сегодняшнего дня конфигурируется той тенью, которое отбрасывает на него грядущее: жанр репрезентации этой идеи варьируется в диапазоне от подзаголовка «*Homo ludens*» Й. Хейзинги, который звучит как «В тени завтрашнего дня» [42], – до универсального парадокса «будущего в прошлом», выявленного в процессе ответа на вопрос «что такое постмодерн?» Ж.-Ф. Лиотаром. Постмодерн, в целом, определяется как «прафеномен», процессуальность которого определена тем будущим, по отношению к которому он может быть рассмотрен как феномен «прото-» («мерцающая эстетика» постмодернизма как отголосок будущего) [43].

Наиболее выпукло идея аттрактивных зависимостей проявляет себя в такой сфере постмодернистской философии, как нарратология (М. Постер, Д.В. Фоккема, Д. Хейман и др.). Центральным моментом наррации мыслится финал, завершение повествования. Уже Х. Арндт отмечала смыслообразующую роль в формировании повествования таких факторов, как ее начало и финал [44, с. 131–141]. – Именно наличие определенного «завершения» (Ф. Кермоуд), изначально известного нарратору, создает своего рода поле тяготения, сводящее все сюжетные векторы к одному семантическому фокусу. Процессуальность рассказа мыслится как разворачивающаяся в контексте фундаментальной детерминированности со стороны «последней» («кульминационной») фразы повествования, которая «пронизывает все то,

что перед этим было представлено... накладывает на него отпечаток цельности» [45, с. 30]).

И. Бродский в Нобелевской лекции в качестве кульминационного момента поэтического творчества фиксирует «момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее» [46, с. 17].

В рамках подобной установки будущее (в качестве финала нарратива) фактически выступает функционально-семантическим аналогом аттрактора: текст обретает смысл «не в происхождении своем, а в предназначении» [14, с. 390].

Выделяя различные типы отношения к знаку, Р. Барт связывает классическое «символическое сознание» с интенцией к поиску онтологически заданных соответствий между означаемым и означающим. Что же касается современных типов сознания («парадигматического» и «синтагматического»), то для них характерна ориентация на будущее, в рамках которой смысл конституируется как влекомая асимптота: «динамика такого видения – это динамика запроса» [14, с. 251].

Бартовской модели «динамик запроса» весьма близка идея «отсрочки» Ж. Деррида, согласно которой становление (сдвиг) текстового смысла осуществляется «в упорядочивании концептов... или пространств свободного хода, продиктованных пока еще только предстоящей теоретической артикуляцией» [18, с. 149]. И если «переоткрытие времени» в синергетике связало настоящее состояние системы с ее «прошлым» и, соответственно, с «будущим», то и «движение означивания» моделируется постмодернизмом таким образом, что каждый «элемент», являющийся «на сцене настоящего», хранит в себе «отголосок, порожденный звучанием прошлого» и в то же время разрушается «вибрацией собственного отношения к элементу будущего» [18, с. 9–28].

* * *

Таким образом, компаративный анализ показывает, что постмодернистская философия языка демонстрирует практически конгруэнтное совпадение ее парадигмальных оснований с парадигмальными основаниями синергетической исследовательской матрицы, что позволяет рассматривать ее как гуманитарный вектор общего перехода современной культуры к исследованию нелинейных процессов в нестабильных средах.

Список литературы

1. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. М.: Мир, 1990. 342 с.
2. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 431 с.

3. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.
4. Лиотар Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 140–158.
5. Leitch V. Deconstructive criticism: an advanced introduction. L.: Chichester, 1983. 290 p.
6. Smart B. Postmodernity. Key Ideals. L. – N.Y.: Ithaca – John Wiley & Sons, 1997. 169 p.
7. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 118–137.
8. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. С. 47–96.
9. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 32–47.
10. Кристева Ю. От одной идентичности к другой // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. Мн.: Минск, 1997. С. 256–273.
11. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академия, 1995. 298 с.
12. D'haen T. Postmodernism in American Fiction & Art // Approaching Postmodernism: Papers press. at a Workshop on Postmodernism, 21–23 Sept. 1984. Amsterdam – Philadelphia: Univ. of Utrecht Press, 1986. P. 211–231.
13. Perrone-Moisés L. L'intertextualité critique // Poétique. № 27. 1976. P. 372–384.
14. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
15. Kristeva J. Narration et transformation // Semiotica. № 4. Naque, 1969. P. 422–448.
16. Harrari J.V. Introduction // Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism / Ed. with introd. by J.V. Harrari L.: Athlone, 1980. 475 p.
17. Tadié J.-Y. La critique littéraire an XX-e siècle. P.: PUF, 1987. 318 p.
18. Деррида Ж. Позиции. Киев: Л.Д., 1996. 192 с.
19. Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Т. 1. Таллинн: Александра, 1992. С. 129–133.
20. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3–20.
21. Баблюянец А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. М.: Мир, 1990. 374 с.
22. Борхес Х.Л. Письмена Бога. М.: Республика, 1992. 510 с.
23. Деррида Ж. Хора // Социо-Логос постмодернизма. S/Л'97 М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. С. 122–170.
24. Kristeva J. Revolution in poetic Language / Translated by M.Waller. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1984. 578 p.
25. Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 9–31.
26. Fokkema D.W. The Semantic & Syntactic Organisation of Postmodern Texts // Approaching Postmodernism. / Ed. by Fokkema D.W., Bertens H. Amsterdam – Philadelphia: Univ. of Utrecht Press, 1986. P. 81–98.
27. Фуко М. Ницше, генеалогия, история // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 78–97.
28. Deleuze G. Spinoza – philisophie pratique. P.: Gallimard, 1981. 201 p.
29. Deleuze. G. Logique de la sensation. Vol. 1. P.: Les Editious de Minuit, 1972. 232 p.
30. Kristeva J. La révolution du langage poétique: L'avantgarde á la fin du XIX siècle: Lautreamont et Mallarme. P.: Gallimard, 1974. 645 p.
31. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 404 с.
32. Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57.
33. Кристева Ю. Дискурс любви // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб.: МИФРИЛ, 1994. С. 101–109.
34. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. № 4. М. – Витебск, 1993.
35. Барт Р. S/Z. М.: РИК «Культура», Ad Marginem, 1994. 302 с.
36. Barthes R. Texts // Encyclopedia universalis. Vol. 15. P.: Vrin, 1973. P. 78.
37. Genette G. Palimpsestes: La littérature an second degré. P.: Les Editious de Minuit, 1982. 467 p.
38. Вельш В. «Постмодерн»: генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. 1992. № 1.
39. Эко У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна // Философия эпохи постмодерна. Мн.: Красико-принт, 1996. С. 52–73.
40. Grivel Ch. Thésés préparatoires sur les intertextes // Dialogizitat, Theorie und Geschichte der Literatur und des Schönen Künste // Hrsg. von R. Lachmen München: Künste, 1982. S. 237–249.
41. Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 3–19.
42. Хейхинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс – Академия, 1992. 464 с.
43. Эпштейн М. Прото- или Конец постмодернизма // Знамя. 1996. № 3.
44. Арендт Х. Ситуация человека. Разделы 24–26 главы V // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 131–141.
45. Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Изд-во иностранной литературы, 1963. 572 с.
46. Бродский И. Нобелевская лекция // Бродский И. Стихотворения. Таллинн: Eesti Raamat: Александр, 1991. С. 5–18.

**THE PARADIGM OF NONLINEARITY IN THE POSTMODERN PHILOSOPHY
OF LANGUAGE AND MODERN SYNERGETICS**

M.A. Možeiko

In order to demonstrate the congruence of synergetic and postmodern research strategies, the article provides a comparative analysis of their paradigmatic systems. The architectonics of the article is subordinated to this goal and is built on the mirror principle: there is a double object of analysis in each paragraph – synergetic and postmodern constitutive principles, which, in the author's opinion, substantially correspond to each other.

Keywords: nonlinearity, non-equilibrium state, self-organization, semiosis, bifurcation, fluctuation, dissipative structures, attractor.

References

1. Nikolis G., Prigozhin I. *Poznanie slozhnogo*. M.: Mir, 1990. 342 s.
2. Prigozhin I., Stengers I. *Porjadok iz haosa*. Novyj dialog cheloveka s prirodoj. M.: Progress, 1986. 431 s.
3. Prigozhin I. *Filosofija nestabil'nosti* // *Voprosy filosofii*. 1991. № 6. S. 46–52.
4. Liotar Zh.-F. *Postmodernistskoe sostojanie: doklad o znanii* // *Filosofija jepohi postmoderna*. Mn.: Krasiko-print, 1996. S. 140–158.
5. Leitch V. *Deconstructive criticism: an advanced introduction*. L.: Chichester, 1983. 290 p.
6. Smart B. *Postmodernity. Key Ideals*. L. – N.Y.: Ithaca – John Wiley & Sons, 1997. 169 p.
7. Dzejmison F. *Postmodernizm, ili Logika kul'tury pozdnego kapitalizma* // *Filosofija jepohi postmoderna*. Mn.: Krasiko-print, 1996. S. 118–137.
8. Fuko M. *Porjadok diskursa* // *Fuko M. Volja k istine: po tu storonu znanija, vlasti i seksual'nosti*. M.: Kastal', 1996. S. 47–96.
9. Bodrijjar Zh. *Simuljakry i simuljacija* // *Filosofija jepohi postmoderna*. Mn.: Krasiko-print, 1996. S. 32–47.
10. Kristeva Ju. *Ot odnoj identichnosti k drugoj* // *Ot Ja k Drugomu. Sbornik perevodov po problemam intersubektivnosti, komunikacii, dialoga*. Mn.: Mensk, 1997. S. 256–273.
11. Delez Zh. *Logika smysla*. M.: Akademija, 1995. 298 s.
12. D'haen T. *Postmodernism in American Fiction & Art* // *Approaching Postmodernism: Papers press. at a Workshop on Postmodernism*, 21–23 Sept. 1984. Amsterdam – Philadelphia: Univ. of Utrecht Press, 1986. P. 211–231.
13. Perrone-Moisés L. *L'intertextualité critique* // *Poétique*. № 27. 1976. P. 372–384.
14. Bart R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika*. M.: Progress, 1989. 616 s.
15. Kristeva J. *Narration et transformation* // *Semiotica*. № 4. Haque, 1969. P. 422–448.
16. Harrari J.V. *Introduction* // *Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism* / Ed. with introd. by J.V. Harrari L.: Athlone, 1980. 475 p.
17. Tadié J.-Y. *La critique litteraire an XX-e siècle*. P.: PUF, 1987. 318 p.
18. Derrida Zh. *Pozicii*. Kiev: L.D., 1996. 192 s.
19. Lotman Ju.M. *Semiotika kul'tury i ponjatje teksta* // *Lotman Ju.M. Izbrannye stat'i v 3-h tomah*. T. 1. Tallinn: Aleksandra, 1992. S. 129–133.
20. Knjazeva E.N., Kurdjumov S.P. *Sinergetika kak no-voe mirovidenie: dialog s I. Prigozhinym* // *Voprosy filosofii*. 1992. № 12. S. 3–20.
21. Bablojanc A. *Molekuly, dinamika i zhizn'. Vvedenie v samoorganizaciju materii*. M.: Mir, 1990. 374 s.
22. Borhes H.L. *Pis'mena Boga*. M.: Respublika, 1992. 510 s.
23. Derrida Zh. *Hora* // *Socio-Logos postmodernizma*. S/L'97 M.: Institut jeksperimental'noj sociologii, 1996. S. 122–170.
24. Kristeva J. *Revolution in poetic Language* / Translated by M.Waller. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1984. 578 p.
25. Delez Zh., Gvattari F. *Rizoma* // *Filosofija jepohi postmoderna*. Mn.: Krasiko-print, 1996. S. 9–31.
26. Fokkema D.W. *The Semantic & Syntactic Organisation of Postmodern Texts* // *Approaching Postmodernism* / Ed. by Fokkema D.W., Bertens H. Amsterdam – Philadelphia: Univ. of Utrecht Press, 1986. P. 81–98.
27. Fuko M. *Nicshe, genealogija, istorija* // *Filosofija jepohi postmoderna*. Mn.: Krasiko-print, 1996. S. 78–97.
28. Deleuze G. *Spinoza – philisophie pratique*. P.: Gallimard, 1981. 201 p.
29. Deleuze G. *Logique de la sensation*. Vol. 1. P.: Les Editions de Minuit, 1972. 232 p.
30. Kristeva J. *La révolution du language poétique: L'avantgarde á la fin du XIX siècle: Lautreamont et Mallarme*. P.: Gallimard, 1974. 645 p.
31. Haken G. *Sinergetika*. M.: Mir, 1980. 404 s.
32. Derrida Zh. *Pis'mo japonskomu drugu* // *Vo-prosy filosofii*. 1992. № 4. S. 53–57.
33. Kristeva Ju. *Diskurs ljubvi* // *Tanatografija Jerosa. Zhorzh Bataj i francuzskaja mysl' sere diny XX veka*. SPb.: MIFRIL, 1994. S. 101–109.
34. Kristeva Ju. *Bahtin, slovo, dialog, roman* // *Dialog. Karnaval. Hronotop*. № 4. M. – Vitebsk, 1993.
35. Bart R. *S/Z*. M.: RIK «Kul'tura», Ad Marginem, 1994. 302 s.
36. Barthes R. *Texts* // *Encyclopedia universalis*. Vol. 15. P.: Vrin, 1973. P. 78.
37. Genette G. *Palimpsestes: La littérature an second degré*. P.: Les Editions de Minuit, 1982. 467 p.
38. Vel'sh V. *«Postmodern»: genealogija i znachenie odnogo spornogo ponjatija* // *Put'*. 1992. № 1.
39. Jeko U. *Innovacija i povtorenje. Mezhdju jestetikoj moderna i postmoderna* // *Filosofija jepohi postmoderna*. Mn.: Krasiko-print, 1996. S. 52–73.
40. Grivel Ch. *Thésés préparatoires sur les intertextes* // *Dialogizitat, Theorie und Geschichte der Literatur und des*

Schönen Künste // Hrsg. von R. Lachmen München: Künste, 1982. S. 237–249.

41. Prigozhin I. Pereotkrytie vremeni // Voprosy filosofii. 1989. № 8. S. 3–19.

42. Hejtinga J. Homo ludens. V teni zavtrashnego dnja. M.: Progress – Akademiya, 1992. 464 s.

43. Jepshtejn M. Proto- ili Konec postmodernizma // Znamja. 1996. № 3.

44. Arendt H. Situacija cheloveka. Razdely 24–26 glavy V // Voprosy filosofii. 1998. № 11. S. 131–141.

45. Ingarden R. Issledovanija po jestetike. M.: Izd-vo inostranoj literatury, 1963. 572 s.

46. Brodskij I. Nobelevskaja lekcija // Brodskij I. Stihotvorenija. Tallinn: Eesti Raamat: Aleksandra, 1991. S. 5–18.